

10 января 1994 года президент России Борис Ельцин подписал Указ, по которому все участники кронштадтских событий в марте 1921 года подлежали реабилитации, а репрессии против них признавались незаконными. Прошло 73 года, и оказалось, что Указ этот непосредственно касается только одного человека. Реабилитации подлежал нижегородец Иван Алексеевич Ермолаев. Больше никого, кто числился в «мятежниках», в живых уже не было. Правда, говорили, что Указ с удивлением воспринял один из старейших жителей Латвии, бывший латышский стрелок, который участвовал в вооруженной атаке на Кронштадт и всю жизнь гордился этим.

Через неделю после Указа – 17 января – Ивану Алексеевичу исполнилось 95 лет. В который раз уже подтвердилась истина, высказанная когда-то Корнеем Ивановичем Чуковским – «В России надо жить долго!»

В этот день Ермолаеву принесли поздравительную телеграмму от президента России...

С Иваном Алексеевичем меня познакомил мой друг, поэт и журналист Аркадий Барахович, он уже давно знал его, писал о нем в газетах. И позвонил за неделю до дня рождения Ермолаева: «Покажи его по телевидению “Останкино”!» Я созвонился с главным редактором Олегом Константиновичем Точиным и предложил рассказать об этом уникальном старике в ближайшей программе «Воскресенье», которую вел Сергей Алексеев. И получил согласие на подготовку этого сюжета.

Жил Иван Алексеевич один на втором этаже в старом деревянном доме на переплетении Ямских улиц. Стариковская квартира вся была в книжных шкафах и полках. Для своих 95 лет он был весьма подвижен,

хотя ходил по дому, опираясь на палку. Но при этом без особых усилий и кряхтения поднимался на стремянке под потолок за какой-то давней папкой. Память была ясной, а речь четкой и убедительной.

Указ президента о реабилитации участников событий в Кронштадте он воспринимал как свою победу над неправдой, потому что много лет вел переписку с архивами, с редакциями газет, с Комитетом по реабилитации политических заключенных, который возглавлял академик Александр Николаевич Яковлев. По словам Ермолаева из того нашего с ним интервью, «Яковлев достойно разобрался в том, что действительно произошло в Кронштадте, и по сути подготовил Указ президента, благодаря которому с нас снято пятно мятежников».

Справедливо говорится, что от добрых вестей люди молодеют. Я смотрел на этого радостного старика, разом сбросившего с себя тяжелую ношу неправды, которую нес на себе всю долгую жизнь, и думал, что больше семи десятилетий в нашу государственную историю был вписан миф о мятеже, которого не было. Тем не менее, расстреливали Кронштадт по-настоящему, так же, как потом расстреливали врагов народа, которые, как оказалось, врагами не были. Кстати, многие из этих людей, объявленных врагами, в марте 1921 года шли по кронштадтскому льду на штурм крепости, уверенные в том, что за ее стенами окопались враги Советской власти...

– Это был не мятеж, а это был протест обиженного народа! – говорил на камеру Иван Алексеевич. – Мы пытались защитить отцов своих, которые были истерзаны продрозверсткой в деревнях России. Все началось 1 марта 1921 года во время митинга, когда моряки – в большинстве своем крестьянские дети, вернувшиеся после отпусков из сел и деревень на флот, – потребовали от приехавшего к нам Калинина немедленно отменить продрозверстку, расформировать продотряды, ввести продналог и разрешить крестьянам свободно торговать. А он вместо того, чтобы сказать нам, что такие решения вот-вот будут приняты на X съезде партии, испугался и счел нас мятежниками против Советской власти и такими обрисовал нас в Москве, которая двинула против нас войска...

В 1918 году Иван Ермолаев был студентом энциклопедического факультета только что созданного по декрету В.И. Ленина Нижегородского государственного университета, учился на историко-филологическом отделении, когда его призвали на службу в Волжскую военную флотилию.

Ермолаеву довелось общаться и вблизи наблюдать командующего Волжской военной флотилией Федора Раскольникова и его жену, комиссара Ларису Рейснер. Оба были простыми и доступными людьми, никакой заносчивости и фанаберии. По флотскому званию Федор Федорович был всего лишь мичманом, но был назначен командующим Балтийским флотом. Это было в 1921 году. К тому времени Волжская военная флотилия была расформирована, а на ее базе была образована радиоминная школа. В январе 1921 года школа со всем своим личным составом перебазировалась в Кронштадт и влилась в учебно-минный отряд Балтфлота. Именно поэтому Ермолаев получил назначение в Кронштадт. Перед переездом с Волги на Балтику матросам флотилии предоставили отпуска. Иван Алексеевич поехал в родню деревню.

– Вы не представляете, что я увидел, – голод, разруха. Продотряды просто бесчинствовали, обирали до нитки и, не скупясь, раздава-

ли квитанции на отобранную у крестьян продукцию. Все отцовское хозяйство было разрушено. В семье шесть человек, а есть им нечего, все, что вырастят на своих четырех десятинах, все у них отбирают. Я возмутился. Разве я за это воевал? Разве это Советская власть обещала народу? Пошел в комбед, а там пьянь и рвань: шесть бородачей сидят у ведра с самогоном. О чем я мог с ними говорить? Вот в таком настроении я приехал в Кронштадт. Оказалось, не один я был потрясен увиденным в деревне. А все вернувшиеся после отпусков. Открыто говорили, что из-за продразверстки гибнет деревня, гибнет крестьянство, а какая рабоче-крестьянская власть без крестьян? А что за Россия без крестьян? Между прочим, я еще в 1918 году в ответ на вопрос анкеты, поддерживаю ли я аграрную политику партии и Советской власти, ответил – не поддерживаю. Потому что считал, что землю надо было не национализировать, а сразу отдать в собственность тому, кто на ней работал, кто ее обрабатывал, тому, кто, как мой отец, 49 лет за нее платил и, по сути, давно выкупил. А Ленин только хорошие слова говорил про союз с середняком, а сам опирался на деревенских люмпенов. Они очень подходили для его революционной теории, им действительно нечего было терять, но и защищать было нечего. Поверьте, я не был ни эсером, ни анархистом, был за большевиков. Даже в 1918 году сам создал коммунистическую ячейку из 15 добровольцев. А когда настало время юридически оформить членство в партии, то 14 человек из 15 приняли, а одного нет. И этим одним оказался я. Мне припомнили мой ответ на анкету.

27 февраля встретились экипажи двух кораблей – «Петропавловска» и «Севастополя». Мы разработали обращение к правительству – резолюцию из 13 пунктов. Никаких угроз в тексте не было. Мы просили у власти дать народу то, что она сама обещала, когда вела народ в революцию. Поставили на голосование. И большинство коммунистов Кронштадта эту резолюцию поддержали.

В последний день февраля 1921 года в Кронштадт приехал председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин. На 1 марта назначили митинг.

В 10 часов утра митинг в манеже открыл комиссар флота Кузьмин и предоставил слово Михаилу Ивановичу. Его встретили овацией. Все ждали, что он скажет, какое послабление крестьянам собирается сделать власть. Калинин решил нам, матросам, польстить. Мол, в революцию матросы шли первыми и на ее защиту первыми вставали. А из толпы голоса: «Хватит нас хвалить! Лучше скажите, когда наших отцов от продразверстки освободите! Когда снимете продотряды!» Калинин сказал, что он удивляется, что об этом спрашивают верные стражи революции – балтийские моряки. Эти вопросы сейчас неуместны. Подобные требования могут выставлять только враги революции. Оценив обстановку, Калинин, Кузьмин и председатель горсовета Васильев предложили провести два митинга – один среди моряков, другой – среди красноармейцев, мотивируя это тем, что в манеже тесно и не хватает мест для всех желающих. Мы поняли, что нас хотят перехитрить, разобщить и всем манежем высказались против двух митингов. Возникло предложение перенести митинг на Якорную площадь, где всем места хватит. Все потянулись к выходу. На Якорной площади народу было очень много – тысяч пятнадцать, не меньше.

Когда Калинин появился на трибуне, его здесь тоже встретили бурными аплодисментами. А когда он снова взялся за свое и снова стал

хвалить моряков за участие в революции и за понимание, с какими трудностями столкнулась сейчас Советская власть, снова раздались возгласы: «Кончай нас хвалить! Скажи, когда отменят продрозверстку и перестанут душить мужика в деревне!» Калинин же снова попытался оправдать политику Советской власти в деревне. И тогда на трибуну поднялся немолодой высокий и широкий в плечах матрос и крикнул: «Хватит хвалебной болтовни! Мы требуем: долой продрозверстку, долой продотряды, даешь свободную торговлю!» И тут из его уст прозвучало и политическое требование: «Даешь свободные выборы в Советы!»

Калинин стал упрекать участников митинга и прежде всего моряков в том, что они затевают опасную интригу против Советской власти и ведут себя как азартные игроки, ставя на карту достижения Октябрьской революции.

Нами была предложена резолюция митинга из 13 пунктов. Когда ее поставили на голосование, то за нее подняла руки вся площадь. Только три человека проголосовали против: Калинин, Кузьмин и Васильев. Председатель ВЦИКа из Кронштадта уехал, а Кузьмин и Васильев остались и заявили в газете о своем отрицательном отношении к поведению гарнизона.

Не знаю, что там, в Москве, наговорил про нас испуганный Михаил Иванович, хотя догадываюсь, кем он там нас представил. Ведь прежде всего ему нужно было себя оборонить. Его же послали разобраться, как говорится, снять напряжение, а он с этим делом не справился. Какие же мы на самом деле отпетые сволочи, если сам Калинин не смог нас ни в чем убедить! Выходит, с матросами из Кронштадта не о чем разговаривать, их надо просто уничтожить как изменивших революции!

Иван Алексеевич говорил горячо, убежденно. Лицо покраснелось. Он всю жизнь отстаивал правое дело тех, кого называли мятежниками. И сейчас, когда с ним никто не спорил, он продолжал дискуссию, искал и находил новые доводы, которые раньше не успел привести:

– 3 марта «Известия» сообщили, что в Кронштадте начался белогвардейский мятеж под руководством царского генерала Козловского и эсера Петриченко, что организаторы мятежа через финнов вышли на связь с англичанами. И те готовы высадить в Кронштадте десант. «Известия» приводили такие данные – мятежников 10 тысяч, у них на вооружении 135 орудий и 68 пулеметов.

4 марта стало известно, что на линкорах «Севастополь» и «Петропавловск» создан революционный комитет, который возглавил матрос с «Петропавловска» Петриченко, который, кстати, никогда эсером не был. Он предложил создать ревкомы во всех частях гарнизона и взять власть в свои руки. Меня тоже избрали в ревком.

5 марта на линкоре «Петропавловск» собрались представители всех частей гарнизона. «Братва, – обратился к нам Петриченко, – все вы прочитали, наверное, в “Известиях” за 3 марта, что наши требования расценены как контрреволюционный белогвардейский мятеж, значит, информация Михаила Ивановича Калинина в Москве была неверной. Стоило нам предъявить Советской власти свои требования, как нас тут же сочли врагами революции и назвали белогвардейцами, а меня причислили к эсерам, хотя я с ними никогда не был. Мы хотим только одного – снять ярмо продрозверстки с наших отцов и братьев в деревне, мы за Советскую власть были, есть и будем, но хотим, чтобы при ней народу жилось лучше, чем сейчас! Но поскольку нас читают мятежни-

ками, надо решить, что делать дальше».

После короткого обмена мнениями было решено разрешить конфликт мирным путем и направить на материк для переговоров делегацию от гарнизона. Возглавить ее поручили матросу с линкора «Севастополь» Вершинину.

6 марта утром делегация из четырех человек отправилась на встречу, которая должна была состояться на льду Финского залива между Кронштадтом и Ораниенбаумом (сейчас это город Ломоносов). Но вместо переговоров наших делегатов арестовали, до Москвы добраться им не дали. И, не вникая в суть требований, которые они несли с собой, расстреляли.

– Никакого царского генерала Козловского у нас не было! Ни одного белогвардейца не было! – убеждал меня Ермолаев. – Ни один из офицеров не участвовал в так называемом мятеже. На кораблях и в воинских частях решением военно-революционных комитетов командиры отстранялись от руководства, и командование переходило к избранным революционным тройкам.

Когда отстраняли от командования комиссара отряда Смирнова, он сказал, обращаясь ко мне: «Товарищ Ермолаев, поймите – ваши требования вполне законны, и мы не боимся вас, но мы боимся врагов революции, которые могут выплыть из-за ваших спин». А комиссар по строевой подготовке Кудряшов мне прямо заявил: «Товарищ Ермолаев, я никуда не пойду. Я вместе с братвой воевал на Волге и останусь с нею до конца».

6 марта над Кронштадтом стал летать самолет и разбрасывать листовки за подписью Троцкого. Он призывал нас капитулировать, иначе перестреляет всех, как куропаток. Мы это прочитали, и это нас всех оскорбило. Мы ведь не воевали с Советской властью и против нее никаких требований не выдвигали. После этих угроз люди со зла и обиды стали выходить из партии. Очень многие вышли. Потом мы узнали, что по указанию Троцкого в Кронштадт перестали доставлять продовольствие. Нас решили сломить голодом.

Мы снова провели общегородской митинг. И решили отправить для переговоров с властью еще одну группу наших делегатов. Но в Питере их снова сразу же арестовали и, не выслушав, расстреляли. Расстреляли летчиков из авиадивизиона, которые нам сочувствовали. И лишь тогда мы окончательно поняли, что с нами хотят по-настоящему воевать. И мы были вынуждены взяться за оружие. Первую попытку штурма против нас предприняли 7 марта. По льду пошли цепи курсантов. Мальчишки... Зачем их безжалостно втянули в эту провокацию?.. Ведь как это было – за курсантами стояли пулеметы, чтобы не вздумали отступать... Атаку курсантов мы отбили.

Тогда начался непрерывный обстрел. По крепости били с Лисьего Носа, с Красной Горки, со стороны Ижор, с Ораниенбаума. Кронштадт отвечал только редкими выстрелами с линкора «Севастополь». И делали это для острастки, хотя огонь корабельных орудий достал бы до самого Питера и уничтожил бы те форты, с которых по нам стреляли.

8 марта была предпринята еще одна попытка штурма, но была нами легко отбита. На усилившийся обстрел мы реагировали без ожесточения, не хотели обострений, а ждали, что скажет Ленин на X съезде партии, который должен был начать работу в эти дни.

8 марта Ленин в политическом докладе X съезду партии сказал: «Я не имею последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь,

что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы... Но нам необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события». И дальше, когда речь зашла о лозунге свободной торговли, вождь отметил: «Потому он и будет получать распространение, что он отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя. Исходя из этого рода соображений, ЦК и принял решение и открыл дискуссию по вопросу о замене разверстки налогом, а сегодня прямо поставил этот вопрос на съезде, что вы и одобрили сегодняшним вашим решением».

Слова Ленина стали известны в Кронштадте через два дня – 10 марта. Решения X съезда партии об отмене продразверстки и замене ее продналогом, о допущении свободной торговли, об отмене продотрядов быстро облетели все части гарнизона и заметно изменили настроение.

Иван Алексеевич Ермолаев вспоминал, что 10 марта ревком созвал совещание революционных троек всех частей гарнизона для обсуждения создавшегося положения, когда основные наши требования были удовлетворены. Поэтому было решено послать вторую делегацию для переговоров о мирном разрешении конфликта во главе с членом ревкома матросом с линкора «Севастополь» Перепелкиным. Но ее постигла та же участь: не выслушав, Перепелкина и его парламентаров расстреляли.

К Кронштадту перебросили войска 7-й армии Михаила Тухачевского. А в это время и на Западе не дремали. Мы, правда, об этом узнали уже много позже, да и с матросами по этому поводу западные эмиссары не советовались. С их помощью активизировались все противники Советской власти – от Керенского до Врангеля. Из Финляндии стало поступать в Кронштадт продовольствие. Это выдавалось за гуманитарную помощь. А Троцкий увидел в этом повод для развития мировой революции, мол, ответная реакция на западное вмешательство должна заключаться в выдвижении армии Тухачевского через Финляндию в Западную Европу. К счастью, до этого не дошло!

Но все это убеждало нас в одном – с нами решили расправиться жестоко, применяя вооруженные силы. Мы не могли пойти на такое братоубийство. И решили не оказывать серьезного сопротивления, а уйти на финскую территорию. Ревком договорился об этом с правительством Финляндии.

17 марта ранним утром с ураганного огня начался штурм Кронштадта. Специально для этого прибыли из Москвы и делегаты X съезда РКП(б), который как раз и приняли те самые решения, о которых говорилось в резолюции кронштадтцев. Но власти нужно было утвердить себя, подавив инакомыслящих. Уничтожить их, чтобы другим повадно не было.

По кронштадтскому льду шли в атаку на крепость полководцы Гражданской войны Ворошилов, Тухачевский, Фабрициус, Федько, видный партийный и советский деятель Бубнов, начинающий писатель Фадеев...

– Это было самое трагическое время! – говорил Иван Алексеевич, и голос его зазвучал надтреснуто, а глаза повлажнели, и он вытер их носовым платком. – Атакующих встречали только отряды прикрытия. Основная масса кронштадтских матросов, которых сама власть превратила в повстанцев, накануне по льду ушла в Финляндию. В нашем отряде прикрытия утром было 150 человек, к вечеру нас осталось в жи-

вых 12. И мы тоже ушли в Финляндию во главе с начальником бывшего учебно-минного отряда добровольно вышедшим из партии Иваном Александровичем Шадриным. Те, кто не успел уйти, сдались...

Мы уже много позже узнали, что выступая с докладом «О замене разверстки натуральным налогом», 15 марта Ленин сказал: «Сколько-нибудь сознательный крестьянин не может не понять, что мы как правительство представляем рабочий класс и тех трудящихся, с которыми могут согласиться трудящиеся крестьяне (а их девять десятых), что всякий поворот назад означает возвращение к старому царскому правительству. Это показывает кронштадтский опыт. Там не хотят белогвардейцев, не хотят нашей власти, — а другой власти нет, — и находятся в таком положении, которое является лучшей агитацией за нас и против всякого нового правительства».

Ленин еще раз вернулся к теме мятежного Кронштадта в конце марта — начале апреля 1921 года в брошюре «О продовольственном налоге». Правда, очень коротко, но точно: «Экономика весны 1921 года превратилась в политику: “Кронштадт”».

В октябре 1922 года ВЦИК принял решение об амнистии в отношении всех рядовых участников кронштадтских событий. Всем бежавшим за границу было разрешено возвратиться на родину. В Финляндии нас было 30 тысяч, и мы были там интернированы в лагере на острове Туркинсаари. Об амнистии мы узнали от советского посла Чернышева. И в июне—июле 1923 года 80 процентов кронштадцев вернулись на Родину.

Ермолаев вернулся в числе первых.

— И что вы думаете, встретили нас чекисты и сразу отправили к себе на Гороховую, а оттуда в тюрьму на Шпалерную. Нам сообщили, что на членов революционных троек кораблей, фортов и отдельных частей гарнизона амнистия не распространялась. В числе 19 моряков был и я. И ни следствия, ни суда! И так больше года! Мы объявили голодовку, требовали одного — какого-либо решения! В ответ нас рассадили по одиночным камерам в подвале тюрьмы. Осматривая свое новое жилье, я обнаружил на стене нацарапанную чем-то твердым надпись: «Здесь сидел в ожидании расстрела член ревкома мятежного Кронштадта матрос с “Севастополя” Перепелкин. 27.III — 21г.» Через пять дней мы прекратили голодовку. Нам — всем девятнадцати — был объявлен приговор: три года ссылки в лагерь на Соловецкие острова. Там были десятки тысяч узников. Бывшие белогвардейцы, священники, крестьяне. Виноватые и безвинные. Так начинался ГУЛАГ.

19 октября 1924 года Ермолаеву и его 18 товарищам были вручены документы об освобождении без права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе и Свердловске.

Иван Алексеевич рассказывал:

— Я сразу же поехал в свою родную деревню на Рязанщине. Прибыл в ноябре 1924 года и не узнал ее. Я помнил ее захудалой, заброшенной, с ветхими избушками. А предо мной предстали новые добротные дома, у крестьян было по несколько коров и другой живности. А ведь со времени отмены продразверстки прошло всего два с половиной года. Значит, не зря мы протестовали против нее, не зря требовали свободную торговлю. И Ленин понял, что не случайно в защиту крестьян выступил передовой отряд революции — матросы.

В конце декабря 1924 года Ермолаев вернулся в Нижний Новгород, а через год — 25 декабря 1925 года, его вызвали в Нижегородское ГПУ

и уполномоченный товарищ Третьяков сообщил Ивану Алексеевичу, что он восстановлен во всех правах и может жить, где угодно. Но он остался в Нижнем Новгороде, получил профессию инженера-строителя. И сорок с лишним лет отдал этому делу.

Потом удивлялся, что уцелел в 30-е годы, когда вторая волна репрессий сметала всех, кто остался жив после преследований 20-х годов. Иван Алексеевич работал строителем и организатором предприятий пищевой промышленности в Нижнем Новгороде и области. Он был первым директором завода шампанских вин. И всю жизнь продолжал писать стихи. Главная мечта его жизни сбылась: репрессированный Кронштадт был реабилитирован. До исполнения другой мечты – издания собственной книги стихов – дожить не довелось. А стихи стоят того, чтобы читатель обрел их даже после внезапной смерти автора летом того же 1994 года.

Нас время мало изменило.  
И жаль, что пагубная хмурь  
Так неожиданно закрыла  
Пред нами ясную лазурь.

Когда после съемки мы прощались с Иваном Алексеевичем, он подарил мне с дарственной надписью самиздатовский том его стихов, им самим напечатанных на машинке и переплетенных.